

СЕКРЕТЫ РУССКОЙ
ДУШИ

Андрей
ГЕЛАСИМОВ

*Десять историй
о любви*

МОСКВА
2015

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г31

Оформление серии *А. Саукова*

Иллюстрация на переплете *И. Хивренко*

Геласимов, Андрей Валерьевич.
Г31 Десять историй о любви / Андрей Геласимов. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 288 с. — (Секреты русской души. Проза Андрея Геласимова).

ISBN 978-5-699-83869-1

Конечно, эти десять рассказов Андрея Геласимова — о любви. О любви мужчины и женщины. О любви современной. О любви вечной.

Конечно, эти десять рассказов Андрея Геласимова — не только о любви: о чувстве вины, о предательстве, о жалости, о памяти, о страхе, о воскресении.

Конечно, исполнены эти десять рассказов Геласимова блестяще: каждый из них — аккорд. Вот в «Филомеле» нижний звук — это древнегреческий миф, средний — его новогреческое переложение, верхний — невольная российская интерпретация. И звучит книга как оркестровая концертная сюита.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-83869-1

© Геласимов А., текст, 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Э», 2015

ФИЛОМЕЛА

На регистрации рейса она так и не появилась. Гуляев прождал ее до самого последнего чемодана, канувшего в багажную Лету, психанул и швырнул паспорт на стойку.

— Поосторожней, пожалуйста, — строго посмотрела на него девушка в красивой униформе.

— Извините, — буркнул он и уставился на сияющую за спиной девушки гигантскую рекламу мобильного оператора.

Ни на один из его десяти нервных звонков Ольга до сих пор не ответила.

Передавая Гуляеву посадочный талон, девушка в униформе обвела карандашом его место в самолете и номер выхода.

— Поторопитесь, посадка скоро закончится.

На паспортном контроле он сообразил, что Ольга могла зарегистрироваться прямо из дома, не предупредив его. Сюрприз — это было в ее стиле. Хмурый пограничник за стеклом в этот момент как раз вглядывался в его лицо, а Гуляеву нестерпимо захотелось вырвать свой паспорт у

него из рук и побежать обратно к стойке регистрации. Девушка в униформе со стопроцентной уверенностью знала имена всех зарегистрированных пассажиров.

— Очки снимите, пожалуйста, — сказал пограничник.

Гуляев прикупил эти солнцезащитные очки в Нью-Йорке, выложив за них далеко не профессорские четыреста долларов, поэтому зачастую они теперь надевались как бы сами собой — и не всегда в тех местах, где темные очки предполагались.

Ольгу, кстати, они бесили. Безошибочным женским чутьем она откуда-то знала, что куплены они были не просто так. Гуляев тогда действительно прицелился на одну славную аспиранточку из Питера, которая работала над своим диссером в Бруклинской библиотеке, однако выпендрож с очками ему не помог. Аспирантка лишь хмыкнула в магазине и в ресторан с ним уже не пошла.

— Счастливого полета, — сказал пограничник, положив перед Гуляевым его паспорт и нажимая на кнопку, с негромким гудением открывшую низенькую металлическую дверь.

Путь назад был отрезан.

В самолете Гуляев последовательно помог двум некрасивым женщинам и одному неловкому старичку поднять и затолкать их тяжеленную ручную кладь на багажные полки. Не отличаясь

филантропическим складом, он просто спешил пройти дальше по проходу, забитому копошившимися вокруг своего багажа пассажирами. Передние ряды кресел были все уже заняты, но Ольгу в этой счастливой курортной толпе Гуляев не обнаружил. Он прошел мимо своего ряда, почти до самых туалетных комнат, потому что к сорока пяти годам был сильно подслеповат, и, чтобы разглядеть лица сидящих, немного даже склонялся в их сторону. В хвостовой части самолета Ольги тоже не оказалось.

Усевшись наконец на свое место, Гуляев почувствовал себя обманутым, нахохлился и раздраженно стукнул пластиковой шторкой иллюминатора. Ему не хотелось ничего видеть.

— Шторочку поднимите, пожалуйста, — ласково, но настойчиво склонилась к нему стюардесса, затянутая в черный костюм.

Гуляев покосился на ее изящную головку и черную пилотку, кокетливо сдвинутую набок. Гладкие и блестящие волосы у стюардессы были убраны как у мертвых невест во втором акте «Жизели», двумя полукружьями почти полностью скрывая уши.

— При взлете иллюминаторы должны быть открыты, — сказала она.

Улыбка девушки напомнила Гуляеву одну из его недавних и очень красивых дипломниц.

— Извините, — вздохнул он и поднял серую шторку.

Пока летели до Кипра, он все пытался разглядеть эту улыбчивую виллису получше, но она призрачной рыбкой проскальзывала по салону мимо, растворяясь в мутноватой пелене его близорукости. Гуляев давно подумывал насчет обычных очков с диоптриями, однако всякий раз откладывал поход к окулисту. Дамы на кафедре и в деканате любили намекнуть ему, что на фоне своей ровесницы-жены он все еще выглядел очень даже себе комильфо, поэтому очки он пока считал не вполне уместной приметой возраста.

Отель «Элизиум» встретил Гуляева роскошной пустотой коридоров. Это была дорогая гостиница, и даже сейчас, ночью, в отсутствие разодетой в элегантные костюмы богатой публики, населявшей основное здание и несколько индивидуальных вил со своими бассейнами, тут царил устойчивый аромат вечного счастья. Оно, это счастье, не просто поселилось здесь — оно застыло в самых приятных глазу и телу формах, не желая и, судя по всему, не имея причин покидать это благословенное место.

Просторное фойе было украшено фреской протяженностью метров в пятнадцать-двадцать. Нежные и воздушные девушки на фреске изображали собой девять классических муз, каждая из которых была обозначена соответствующей подписью на древнегреческом языке. Ряды строгих колонн из мрамора обливал мягкий золоти-

стый свет плоских люстр, свисавших с потолка на покрытых позолотой цепях. У каждой колонны стояли большие керамические сосуды в форме античных пифосов. В каждом сосуде застыло по вечнозеленому и вечносчастливному растению. Вся мебель в фойе, включая стойку администратора, была выполнена под девятнадцатый век. Массивные кожаные кресла и уютно потертые диваны стояли на таких же потертых старых коврах. Здесь, в этой гостинице, легче всего и, пожалуй, естественнее, чем где бы то ни было, произносилась расхожая фраза «Все хорошо». На тумбочках и подставках рядом с диванами замерли полные достоинства настольные лампы с металлическими пузатыми основаниями и старомодными абажурами. Совершенно пустому и безмолвному в поздний час фойе эти лампы окончательно сообщали дух скорее старинной университетской библиотеки, нежели модного отеля у моря, хотя на стене рядом с лифтами висели в три ряда фотографии ослепительных улыбок, вечерних платьев и бриллиантов с автографами побывавших здесь голливудских и европейских звезд.

После долгого и какого-то невероятно душного переезда на такси от Ларнаки до Пафоса прохлада спящего отеля заметно взбудрила Гуляева, но пробудила также и саднящую мысль. Он болезненно осознал, что все это великолепие ему не с кем будет делить. Распахнув бал-

конную дверь в своем полулюксе, он жадно втянул запах моря, которого в темноте не было видно, но которое он отчетливо слышал из-за поднявшегося к полуночи волнения и сильного ветра.

— Мы уже спим, — недовольным голосом сказала жена, взяв трубку после десятого или одиннадцатого гудка.

— Мы? — удивился Гуляев.

— Да. У Ольги командировка в Челябинск отменилась.

— Ясно... — Гуляев озадаченно помолчал. — И что? Она решила перебраться к тебе?

— Мы вообще-то сестры, Игорь Валентинович, если ты забыл. И в последнее время редко видимся.

— Да нет, помню... Ладно, передавай привет.

— Завтра передам. Она спит в Серезиной комнате. Ты успел на свою конференцию?..

Положив трубку, Гуляев неподвижно просидел в кресле еще несколько минут. По репликам — слово за словом — он восстанавливал весь разговор с женой. Перебирал свои ответы, ее интонации, пытался понять — не было ли у него прокола и не звучало ли подозрение в ее голосе. Эта шпионская привычка появилась у него примерно полгода назад. С тех самых пор, как он невыносимо захотел переспать с младшей сестрой своей жены, Ольгой, а та, почти сразу уловив это его внутреннее движение, по

какой-то причине повела себя очень самостоятельно и ни о чем не сказала сестре.

Гуляев и прежде не гиперболизировал значение супружеской верности, но особо ни в чем себя не винил, поскольку сам никогда и никого не добивался. В своих глазах он был всего лишь невинной жертвой соблазна. В роли инициатора и злоумышленника он выступил всего пару раз, так что это почти не считалось. Привыкший к женскому вниманию, он то и дело сдавался на милость очередной победительницы, которой не лень было осаждать его не самую неприступную в мире крепость и которая, что было немаловажно, соответствовала его меняющейся с годами самооценке. Если в начале своей академической карьеры он еще мог обнаружить себя в постели у девушки со средними данными, то с ростом ученой степени, званий и должностей, указываемых в скобках после его фамилии, претендентки становились все симпатичней и все моложе.

Первоначально большинство из них реагировали на его голос. Рассказывая о преступном браке Иокасты и ее сына Эдипа, об эротических волнениях, вызванных своеволием, скорее всего, элементарно фригидной Лисистраты, о хоре в античной комедии, который сплошь состоял из похотливых сатиров с привязанными к поясам огромными красными фаллосами, Гуляев так искусно и так неожиданно модулировал по тембру свой голос, что все эти абсолютно непристойные

вещи начинали звучать не только приемлемо, но даже интригующе — они вызывали у его юных слушателей живой интерес. Присутствующим на его лекциях казалось, что обо всем этом можно спокойно беседовать с кем угодно — с друзьями, родителями, просто знакомыми по социальным сетям. Вооруженный мощной античной традицией Гуляев невероятно раскрепощал, а его голос побуждал к следующему шагу.

Девушек захватывал бивший в нем через край во время публичного выступления животный магнетизм, о котором один из его неказистых коллег мужского пола, посетив однажды его лекцию, сказал:

— Я понял, в чем ваш секрет. Я знаю, почему они вас так любят.

Выходя после учебных занятий из поточной аудитории, Гуляев действительно всякий раз был окружен роем вербально опьяненных и жаждущих продолжения вакханок.

— И в чем же? — спросил он тогда своего коллегу, покуривая на кафедре в приоткрытое окно.

— Месмеризм, — торжественно объявил тот.

— Простите?

— Флюиды. Вы излучаете магнитную энергию. Даже меня к вам тянет. Если бы мы жили в эпоху античности...

— Давайте не будем углубляться, — предостерег его тогда Гуляев и улыбнулся.

Он и без этого своего коллеги, разумеется, знал про Месмера и про его учение о флюидах. Более того, он знал, что, в отличие от обычного «магнетизера», который выделяет один-два флюида, сам он работает в режиме целой подстанции.

Однако происходило это только во время лекций. Во всех остальных ситуациях Гуляев мало чем выделялся среди более-менее состоявшихся мужчин своего возраста. Поэтому с Ольгой у него продвигалось не очень споро. Он пробовал звать ее на свои феерические выступления, но она неизменно отнекивалась, говоря, что фильм «Троя» даже с ее любимыми актерами Брэдом Питтом и Орландо Блумом заставил ее зевать почти три часа. Античность ее не интересовала в принципе.

Разница в пятнадцать лет между Ольгой и Ксенией драматически подчеркивала их сходство. Тот, кто общался с ними обеими, не мог избавиться от странного чувства дежа-вю — с тем лишь отличием, что ощущение «это со мной уже было» в случае двух сестер обретало материальную форму. Наблюдая исподтишка за перемещениями Ольги по своей квартире, Гуляев иногда забывался и принимал ее за Ксению, как будто проваливался во времени назад, и, что самое важное, сам попутно молодел на те же пятнадцать лет. Это был сильнейший соблазн, самое серьезное искушение в его жизни. Глядя

потом на свою жену, он старел уже не на пятнадцать, а на все тридцать лет, и это было невыносимо. Поэтому, когда Ольга согласилась полететь с ним на Кипр, он даже не сразу поверил своему счастью. Однако в итоге он оказался в этом роскошном отеле один.

Тем не менее наутро Гуляев проснулся у себя в номере в приподнятом настроении. Он уже давно знал, что личность — величина переменная, и более нестабильной системы, чем человек, в природе быть просто не может. Уснув одним существом, каждый из нас просыпается совершенно иной божьей тварью. Впрочем, насчет божьей — Гуляев был не уверен. Так или иначе, этот его наивный релятивизм находил опору даже в идиоматике.

— Утро вечера мудренее, — улыбнулся он, сделав глоток хорошего брюта, которым в «Элизуме» потчевали гостей на завтрак.

Наблюдая за ловкими руками повара, обжаривавшего прямо на роскошной веранде овощи каждому желающему по его выбору, Гуляев задумался о том, как провести день. Море, мерно дышавшее за ровной линией пальм, несколько не привлекало его, потому что на территории отеля оно было лишь частью ландшафтного дизайна. Город, несмотря на свое название, давным-давно утратил всякое воодушевление и представлял собой скопление безликих прямоугольных домишек, напоминавших коробки для

обуви. В бухту, где, по преданию, из морской пены родилась Афродита, одному ехать не имело смысла. Вояж туда задумывался единственно для того, чтобы покорить неискушенное воображение Ольги и добиться, наконец, от нее желаемого. В общем, из расположенных поблизости туристических мест оставался лишь древний Некрополь. Пешком до него, согласно Гуглу, было не больше пятнадцати минут.

За стенами отеля Гуляева накрыл тяжелый купол местного зноя. Стоило выйти за ворота, как на плечи ему навалился вполне ощутимый груз. Жара здесь имела не только реальный вес, но и реальную плотность. Пройдя метров сто, он уже сильно жалел, что отказался от предложенного швейцаром такси. Гнетущее пекло вынудило его спуститься в первую же более-менее глубокую гробницу на территории Некрополя. Четырехугольный свод ее во время раскопок был снят, и солнце нещадно палило центральную часть усыпальницы, однако позади пыльных, источенных временем колонн лежала густая тень.

В этой тени прятались такие же пыльные голуби, почти не отреагировавшие на его появление. Едва шевельнув крыльями, пухлые птицы сонно обозначили, что в курсе насчет его присутствия, но в остальном им на него плевать. Гуляев с наслаждением прильнул всем телом к прохладной каменной кладке и закрыл глаза. Он